

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре: Спец. вып.: Память о войне 60 лет спустя. 2005. № 2—3.

Ханаева Д. Готическое общество // Крит. масса. 2006. № 1.

«Цепь времен»: Проблемы исторического сознания: Антология. М., 2005.

Эксле О. Г. Культурная память под воздействием историзма // Одиссей. 2001. М., 2001.

Ab imperio: Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. 2004. № 1—4. Археология памяти империи и нации: конфликтующие версии имперского, национального и регионального прошлого [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://abimperio.net>.

Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in den frühen Hochkulturen. München, 1992.

Halbwachs M. La mémoire collective. Paris. 1967.

Imagines mundi: Альманах исслед. всеобщ. истории XVI—XX вв. Сер. Интеллект. история. Вып. 1—3. Екатеринбург, 2004—2008.

Les Lieux de mémoire. Paris, 1984—1992.

Oexle O. G. Die Gegenwart der Toten // Death in the Middle Age (Mediaevalia Lovaniensia. Ser. 1, St. 9) / Herman Braet, Werner Verbeke (Hg.). Leuven, 1983.

Oexle O. G. Memoria und Memorialüberlieferung im früheren Mittelalter // Frühmittelalterliche Studien. 1976.

А. С. Никитин, Л. С. Соболева

РОДОВАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР КУЛЬТУРНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам

А. С. Пушкин

Каждый человек принадлежит роду... Род, родственные отношения — вот, что останется с человеком всегда, как бы ни уходил человек в отвлеченные рассудочные взаимоотношения.

А. Ф. Лосев

Когда в конце 80-х гг., на излете советской эпохи, массовый телезритель приник к экранам, следя за перипетиями сюжета, где золушки становились принцессами, терялись и находились дети, мужчины открывали для себя забытых в далеком прошлом возлюбленных, а женщины стойко ждали возвращения заблудших партнеров, стала явственно вырисовываться архетипическая основа популярных мелодраматических сериалов. Среди идей, пришедших к нам вместе с латиноамериканской кинематографией, наиболее востребованной оказалась идея противо-

стояния злему началу на основе верности семейно-родовым ценностям. Укрепление или разрушение кровного родства происходило в пространстве конкретного географического локуса (дома или имения) вне какой-либо политики, вне исторических событий. Сериалы повествовали о точке возврата в пространство родной семьи, и именно этим можно объяснить их сверхпопулярность в контексте идеологизированного искусства того времени. События «мыльных опер» воспринимались наивным массовым сознанием как безусловно достоверные и активно обсуждались в бытовом общении, несмотря на экзотические собственные имена и топонимы. В этот же ряд органично влился сериал об обеспеченных американцах из Санта-Барбары, пропагандирующий семейные узы как единственный оплот у поколения, приобретшего опыт хиппи 60-х гг.

Живой отклик, резонанс на подобного рода трансляции далеко не случаен в обществе, где традиционные ценности, такие как семья, брак и рождение детей, давно уже стали второстепенными. Несмотря на богатое историческое наследие, русский человек к концу XX в. оказался вне времени и вне истории, не ощущая ответственности перед прошлым и будущим, перед предками и потомками. Но именно на сломе эпох, в ситуации явного демографического кризиса, прогрессирующей культурной и социальной дезинтеграции общества родовые устои (казалось бы, безвозвратно забытые) вновь начинают актуализироваться.

Память рода — древнейшая по времени появления и одна из наиболее важных констант русской культуры, нашедшая в современности адекватную форму выражения. Слово «род» — часть общеславянской корневой основы языка, имеет многочисленные словообразовательные модели, образованные флективно и сложением основ. Мы находим такие существенные категории быта и бытия, как *род-ин-а*, *род-ич*, *на-род*, *по-рода*, *вы-родок*, *недо-род*, *род-н-я*, *род-ин-к-а*, *у-род*, *родо-словие*, *родо-начальник*. Список можно продолжить, причём немало вариантов приведено в словаре Вл. Даля с пометкой «устаревшие» и «диалектные». Обширное словообразовательное гнездо говорит не просто о древности корня «род», но о фиксации в языке базовых, архетипических представлений и идеалов, нормативно-ценностных ориентаций, связанных с понятиями родства и рождения.

На протяжении исторического времени система родовых ценностей менялась и, развиваясь, порождала конфликты и противостояния, вызывая к жизни различные типы героев и подчас невероятные сюжетные коллизии.

Традиционное родовое общество, господствовавшее в Древней Руси до принятия христианства, среди важнейших социокультурных ценностей на первый план выдвигало *в е р н о с т ь т р а д и ц и я м п р е д к о в*; религиозное их почитание и убеждение в том, что умершие принимают участие в жизни потомков и даже перевоплощаются в новорожденных. Воспитывалась любовь к членам своего рода и почитание старших, бережное отношение к земле, природе, богатству, которым практически владели род или семья. Тягчайшим преступлением считалось убийство сродника, но убийство чужеродных, их ограбление иногда считались доблестью. Принятие христианства закрепило положительные для того времени черты родовой культуры (например, доброе отношение к ближним), воцерквив те цен-

ности, которые издревле цементировали жизнь людей, а не были следствием языческой религиозности (многобожие, идолопоклонничество).

В народной культуре, таким образом, не исчезали традиции почитания предков, память о них получала оформление в календарных и семейных ритуалах, частично сохранившихся до нашего времени. Кроме посещения погостов в определенные дни со всеобщим пиროванием на могилах, целям сплочения рода служили сборы родственников в дни свадеб, родин, погребений. Общее веселье и общее горе должны были эмоционально сплачивать родственников и способствовать преодолению разногласий в семейно-родовых конфликтах. Обычай пира-поминок, общепринятый в народной среде, служил цели консолидации членов рода, так как на поминки собиралась вся, даже самая дальняя, родня, память о которой сохранялась до седьмого колена вплоть до XIX в. По образной характеристике современного этнографа, «происходило своего рода “насыщение” генеалогического древа живительными соками праздника: духовно — что улучшает социально-нравственные параметры ныне живущих и будущих поколений; и физически — предельно возможная степень изобилия и сытости престольного праздника провоцирует брачные пары к рождению здорового потомства, благодаря чему генеалогическое древо “расцветает” и пополняется новыми отростками» (Тульцева, 2001, 150)

Память о роде закреплялась в системе родовых прозвищ, переходящих в фамилии. В то же время фамилия или прозвище могли повториться в т о п о н и м е и усиливали уважение к первооснователям. Человек «без роду, без племени» занимал самое низкое социальное положение и почти не пользовался защитой власти. Если было известно, к какому роду принадлежал человек, то было известно и место, откуда он (так говорят и по сей день: «Откуда он родом»). И наоборот, указание места, где жили родители, иногда заменяло родовую принадлежность. Показательно, что у нас в паспортах, кроме отчества и фамилии, т. е. родовых знаков, фигурирует еще и м е с т о р о ж д е н и я.

На погостах родственники хоронились обычно в одном месте, хотя общеродовые усыпальницы были только для знатных семейств. Родовые могилы служили механизмом трансляции памяти о предшественниках. В оформлении могил при всех их внешнем различии сохраняется древнейший долг наследников жертвенных приношений: потеряв сакральную функцию умилоствления предков, они становятся воплощением непрерывно продолжающейся памяти.

Христианство, впрочем, не имело специальной задачи сохранения памяти рода, поставив на первое место понятие «правого рода», т. е. верного Богу и благословляемого Богом, в отличие от родов «поганых» язычников. Вместе с тем в христианском пантеоне оказались святые, которым были приписаны функции о х р а н и т е л е й р о д а. Это прежде всего святой Николай Мирликийский, иконописный облик которого в виде седовласого бородатого старца был наиболее часто встречаемой иконой в народном религиозном быту. К таким же святым относилась Параскева Пятница. Пятница — день рода; празднование пятниц перед двенадцатью великими христианскими праздниками по всеобщему убеждению должно было предохранить человека и его дом от всяческих напастей. Эта традиция

не была прервана и в советское время, оставаясь в глубинах народной культуры даже тогда, когда религия оказалась под официальным запретом. Рукописные тексты и устные верования, посвященные двенадцати пятницам, сохранялись в народной культуре, записывались и собирались в XX в.

Предметный мир, окружающий человека, давал возможность символического прочтения, внося в идею рода цементирующую составляющую. Изначально крыша над головой (дом) была единой для всего рода, но когда каждая семья стала претендовать на собственное жилище, тем самым выделяясь из общего родового пространства, дом становится символом родового единства, средоточием жизненной силы. В частности, это отражалось в структуре постройки и оберегах-украшениях дома, подробно описанных в работе А. К. Байбурина [1983]. С распадом большого рода и процессом выделения его членов в индивидуальное хозяйство в народном сознании остается образ родительского дома как символа надежности, теплоты и любви. Древнейший мотив ухода героя из родного дома для возвращения в него после обретения нового статуса присущ и славянской словесности. Родным домом могла становиться вся Русь (в былинах), или обреталось «полцарства в придачу» (в волшебной сказке). Дом выступает живым символом материнского лона: большинство сказочных повествований начинаются с того, что герой выезжает из дома, отправляясь в путь-дорогу. Верность роду и готовность постоять за его интересы — главное качество героя волшебной сказки, обуславливающее его восхождение к победе.

Все дело в том, что Древняя Русь выстроила уважительное отношение к дому, поставив его в центр всех сфер бытия в Домострое (XVI в.). Трагедия человека в памятниках XVII в. мыслится как утрата дома и нарушение родительского завета. Именно в беспокойные («смутные») времена образ дома надежно поселяется в художественном сознании, став своего рода константой, скрепляющей рассыпающийся мир. Фольклорная несказочная проза изобилует родовыми преданиями об основателях рода, о запомнившихся событиях и наиболее выдающихся членах родового сообщества. В такой функции тема дома постоянно будет возникать в литературном процессе последующих времен.

Механизм сохранения родовой памяти, получая символическое наполнение, становится предметный ряд. Пожалуй, здесь в наивысшей степени проявляется возможность вещи хранить историю и передавать разнообразные человеческие переживания. Наиболее общими символами, сберегающими память, являются родовые иконы и драгоценности, колыбель, свадебные платья, столовые приборы, самовары, картины, книги и т. п. Становясь образом времени, вещи входят в художественное пространство, соединяя собой времена, возвращая прошлое, ведя в будущее. Блестяще использовал этот прием А. П. Чехов в «Вишневом саду», где фамильный шкаф становится символом прошлого и отрыва от родового гнезда.

Механизмы, способствующие сохранению коллективной родовой памяти, изменяются в соответствии с возможностями исторической эпохи. Распространение искусства фотографии привнесло феномен фотоальбома, где собирались изображения родственников. Традиция рассматривания фотоальбома становится частью

массового досуга, в процессе которого рассказываются родовые предания, легенды, передаётся духовный опыт. Новые формы фиксации памяти расширялись вместе с техническими возможностями. Кроме семейных фотокарточек, вошедших в широкую практику еще в довоенное время, были повсеместно распространены своеобразные коллажи, составленные из фотографий родственников различного времени. Такие композиции размещались в рамке под стеклом на почетном месте в центре стены, между фронтальными окнами. Существовала определенная внутренняя субординация: в центре обычно помещались изображения основателей рода, а вокруг — детей, внуков и других родственников. Идея была явно навеяна иконописным каноном изображения святого: в центре — лик, на периферии — клеймы, изображающие различные события жизни святого или стоящие ряды святых, число которых варьировалось. Такая своеобразная «икона» украшалась вышитым полотенцем, искусственными цветами и постоянно пополнялась новыми изображениями сыновей или внуков, служивших в армии, новорожденных детей, первокурсников и т. п. Также популярны были фиксации торжественных событий (свадьба). Реже, но встречались в таких наборах фотографии похорон. Идея течения жизни, желание ее продолжения в новых поколениях, единения членов рода оказались чрезвычайно востребованными в послевоенное время, когда каждая семья понесла невосполнимые утраты, а и миграция населения, разворошенного войной, стала фактом семейной биографии.

Возрастание интереса к родовым корням, произошедшее в конце 1990-х гг., определенно связано с ослаблением давления советской идеологии, рассматривающей историю в свете классовой борьбы. Именно в это время бытовали рассказы о чьих-то родственниках, живущих, благоденствуя, за границей и готовых прийти на помощь несчастным родным из Советского Союза, об одиноких эмигрантах послереволюционного времени, желавших отдать свои сказочные богатства наследникам, оставшимся в России. Эти повествования легендарно-фантастического плана соседствовали с возросшим интересом к реальным событиям истории рода. В связи с этим появляются письменные подробные родословия, наполненные рассказами о различных ветвях родословного древа. В фольклорном бытовании появляются более откровенные рассказы о родственниках, прошедших тюремные и лагерные испытания, раскулаченных и сосланных, пропавших без вести, побывавших в плену и т. п.

Поиски родоначальников стали своего рода модой и привели к настоящему бизнесу историков-архивистов, берущихся отыскать предков и составить родословное древо. Разговоры и высказывания о родовых связях активизировались в бытовом и художественном планах, в настоящее время, например, в связи с развитием представлений о передающихся генетических заболеваниях, о врожденных качествах личности. Просыпающийся интерес современного общества к генеалогической культуре, к родословной традиции — это не мода, а скорее императив времени. В ситуации культа индивидуализма, когда живущих сродников «растаскивает» многозаботливая повседневность, только общие предки и воспоминания о них объединяют людей, только на связи культур можно еще удержаться.

Обращение к идеям родовитости и родовой преемственности неоднократно актуализировалось и в политической истории. Для Древнего мира эта не просто кровные узы, а связь земного и неземного миров, обретение души предка в его потомке. На отражение (более основательное в устной культуре, чем в письменной) этих представлений в русской словесности XI—XIII вв. указал В. Л. Комарович, считая, что культ рода регламентировал не только содержательную сторону погребальных, родильных, брачных обрядов, но и некоторые аспекты княжеской политики (см.: Комарович, 1960). В системе политической власти раннефеодального времени из идеи родового единства князей вырастала идея единения Русской земли. Разработка культа первых русских святых Бориса и Глеба служила христианским обоснованием родовой иерархии власти и неприятия междоусобных конфликтов между кровными родственниками.

На определенном этапе перехода к династической форме правления актуализировалась тема знатных родов, и генеалогия стала необходимым условием для продвижения по служебной лестнице. Волна генеалогических сочинений, написанных для прославления рода, целью которых было устроить «более почетные брачные союзы», поднялась, как отмечает Б. Гене, в письменности Западной Европы в XII в. (см.: Гене, 2002, 73). Следование «прародительским чинам», т. е. преемственности с именитыми предками, в ту эпоху, как и ранее, было важнейшей религиозно-культурной основой жизни. А шло это еще от древней пракультуры установки на самосохранение рода, на нераздельную связь предков и потомков. Поэтому, например, пресечение династии — королевской, царской — всегда воспринималось как катастрофа.

В русской традиции распространение родословных легенд активизируется с XVI в., когда уже прочно сложилась легенда о родоначальнике московских великих князей Августе и его потомке Рюрикe, вышедшем на Русь «из Прус». Среди родословных легенд о происхождении боярских родов доминируют мотивы «выезда» их основателей из знатных иностранных родов Орды, Литвы и других европейских стран. Подобного рода легенды создавались вплоть до XVIII в. (см.: Бочков, 1971) и в основе своей были predeterminedены архетипическими представлениями о «культурном герое», приносящем на новую землю достижения более высоких цивилизаций. Не случайно поэтому наряду с сухими летописными хрониками история была представлена в героических мифах и родовых сагах, а первые курсы русской истории Карамзина и Соловьева состоят, по сути, из историй родов — княжеских, а потом царских и дворянских. То же самое мы находим в художественном обрамлении (например, в пушкинском «Борисе Годунове»).

Светские генеалогические записи о боярских и дворянских родах XVI—XVII вв. в основном были связаны с вопросами вотчинного землевладения. Родовые традиции в высших слоях русского общества приобретают яркие формы соперничества родов. Существование с XV в. родового права выкупа земель требовало четкого определения круга лиц, могущих претендовать на наследование или выкуп вотчины (см.: Бычкова 1975, 126). Определенным прорывом в письменной традиции стало появление в 40-х гг. XVI в. первых родословных книг,

«когда шло формирование государственного аппарата и потомки удельных князей и старомосковского боярства боролись за занятие в нем высших должностей» (Бычкова 1975, 177). Социальный статус человека и его претензии на занятие определенной должности в бюрократической системе Московского государства зависели от его родственных связей с царствующей фамилией и близости к наиболее знатным родственникам. Сложная система взаимоотношений между княжескими родами требовала демонстрации их древности и родovitости, задача состояла в показе конкретных родословных преимуществ. Здесь люди руководствовались прежде всего родовой честью, приоритетом родовых интересов перед личными, сплоченностью в соперничестве с другими родами, в том числе с царской властью.

В истории были моменты жесткого политического противостояния родовому чувству, когда создавалось впечатление, что эта система взаимоотношений вступает в противоречие с идеологемами времени. Ярчайшей иллюстрацией являются, например, общеизвестные акции Ивана Грозного, направленные против новгородцев; целенаправленное унижение и истребление знатных родов как последнего оплота родовой культуры. Очень показателен в этом аспекте также опыт советского времени, когда родовые связи вызывающе отрицались, и власть использовала родственные отношения в спекулятивных целях. Можно вспомнить не только сфальсифицированный образ Павлика Морозова, но и куда более серьезные артефакты. Особенно остро это художественно воплощалось в первое десятилетие после революции (пьесы Б. Лавренева, К. Тренева, произведения А. Толстого). Военное и послевоенное время меняет ситуацию: родственные чувства уже используются как факторы бесстрашного поведения. Романтические барды 60-х зовут оторваться от родного дома, уехать «за туманами» в неведомую тайгу, и лишь затем в произведениях В. Астафьева тема верности роду становится основной характеристикой нравственного состояния человека и общества.

Именно это, на наш взгляд, предрекало кризис основных идеологем советского времени. В основе психологического выживания оказывается путь к родовому единению, к актуализации памяти о предках, сохранению внутренней связи через родовые символы и артефакты. Поэтому исключительно важной задачей современной гуманитарной науки является популяризация семейно-родовых ценностей, ориентация на межпоколенческие традиции. В контексте этих рассуждений показателен факт высокой оценки и неподдельного зрительского интереса к фильму «Брат», воскрешающему тему кровной мести как единственного средства сохранения гуманистической организации мира. Таким образом, важнейшая для многовекового существования человека идея родового единения способна актуализироваться в кризисные, переломные моменты истории и вопреки объективному пути общества к индивидуализму создать условия для столь желаемой стабильности и уверенности в будущем.

Бочков В. Н. «Легенды» о выезде дворянских родов // Археогр. ежегодник за 1969 год. М., 1971.

Бычкова М. Е. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975.

Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002.

Комарович В. Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв. // ТОДРЛ. Т. 16. М.; Л., 1960. С. 84—104.

Тулцева Л. А. Престольный праздник в картине мира (мироколице) православного крестьянина // Православная жизнь русских крестьян XIX—XX веков: Итоги этногр. исслед. М., 2001.

С. В. Красильникова

КУЛЬТУРНЫЕ СТРАТЕГИИ ПАМЯТИ В ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО СЕВЕРА XVIII—XIX вв.

Изучение историко-культурного наследия Русского Севера является предметом глубокого интереса многих гуманитарных наук — истории, культурологии, искусствоведения, этнографии, филологии, психологии. В особое направление при этом выделяется исследование культурного текста провинции. Опираясь на определение Ю. М. Лотмана, мы понимаем под текстом культуры «некоторый текст-конструкт, принадлежащий данному культурному типу, а сами эти тексты будут выступать в качестве его реализации в знаковых структурах разного типа» [Лотман, 1969, 463]. Важно определить в связи с этим жанровые доминанты текста культуры Русского Севера, рассмотреть текстовые источники, репрезентирующие знаковые константы исторического и литературного сознания жителей отдельных «культурных гнезд» в контексте исторической и литературной традиции (жанры исторической прозы: городские летописцы, исторические описания-очерки, исторические повести).

Жанровая система исторической прозы на Русском Севере наследует синкретическую специфику средневековой древнерусской литературы, аккумулируя культовое, обрядовое, обиходное, деловое и познавательное начала. Историческая проза соединяет в себе формальные, стилистические и семантические черты предшествующих жанров — древнерусских летописей, агиографических сочинений, хождений — и создает вокруг себя особое интертекстуальное поле, состоящее из источников более поздних, чем их сочинения, а именно выстраивают метатекст — текст памяти, который является потенциально открытым в мир других текстов, традиции и канонов, выступая в качестве хранилища артефактов и ценностей культурной памяти.

Для установления специфики памяти как некоего феномена культуры необходимо выявить функции онтологической связи смысловых уровней текстов в культурном пространстве Русского Севера. В первую очередь важно обратиться к ис-